

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВАРИАНТОВ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИХ ТОЖДЕСТВА

Н. В. Стекольников

Воронежская государственная технологическая академия

Варьирование фольклорных произведений является обязательным условием их сохранения и активного бытования. Анализируя тексты сказок кумулятивной структуры, которые строятся на многократном повторении какого-то звена, возникает проблема сопоставления вариантов таких текстов и лингвистического обоснования их тождества и различия. В данной статье автор анализирует лексические парадигмы сказки кумулятивной структуры «Смерть петушка». На основе разработанного метаязыка, который позволяет определить тождество текстов данной структуры, кратко записав их, и восстановить оригинальный текст, развернув эту запись, создается база данных для анализа и сопоставления фольклорных текстов кумулятивной структуры. Сравнив разные варианты одного сюжета, данный метаязык позволяет реконструировать его инвариант.

Одним из ярко выраженных, очевидных и постоянных качеств фольклора является его вариативность. В отличие от литературного текста фольклорный текст не воспроизводится в постоянном виде, каждое его исполнение создает новый вариант. Его варианты — это проявление динамики фольклора как художественного произведения. Запись отдельного варианта не может сколько-нибудь полно представлять фольклорный текст, реализацией которого она является, поэтому необходимо сопоставление вариантов

Объектом исследования в данной работе стали произведения сказочного фольклора, имеющие четко определяемую структуру, а именно кумулятивные сказки в аспекте их вариативности.

Основным художественным приемом этих сказок, по определению В. Я. Проппа, является многократное повторение одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким способом цепь не обрывается или не расплетается в обратном порядке. В повторяемости «внутреннего элемента» видел специфику таких сказок А. И. Никифоров. «В рассматриваемой группе сказок, — отмечал он, — повторение элемента — органическое свойство структуры самого сюжета. Если не будет повторных действий (встреча, мена и т.п.), то невозможно и самая сказка» [1, 55].

При анализе текстов сказок кумулятивной структуры возникает проблема сопоставления вариантов таких текстов и лингвистического обоснования их тождества и различия.

Кратко записать текст, выделить и определить его тождество подобным текстам данной структу-

ры, и развернув эту запись, восстановить оригинальный текст, позволяет метаязык, который был разработан профессором ВГУ А. А. Кретовым [2]. При сопоставлении разных вариантов одного сюжета кумулятивно сказки, предложенный метаязык позволяет определить инвариант ее сюжета.

Под *инвариантом* мы понимаем реконструируемый вариант, который максимально полно отражает лексическое содержание парадигм всех вариантов определенного сюжета. Одним из требований, предъявляемых к инварианту, является возможность выведения из него всех известных вариантов с помощью строго фиксированного набора стандартных преобразований — процедур.

Объектом исследования в данной работе являются варианты сюжета кумулятивной сказки «Смерть петушка», который в Сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка» (СУС) имеет номер 2021 А = АА × 241 I, 2032 [3, 383]. Содержание сюжета: петушок подавился, курочка идет за водой, речка посылает ее к липке за листом, липка к девке за ниткой и т.д.

В данном указателе представлено 15 источников, содержащих варианты данного сюжета на русском языке. Материалом для нашего анализа послужили тексты десяти вариантов сказки, найденные в сборниках сказок, которые содержатся в Сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка» (№№ 1, 2, 4, 5, 8, 10, 12, 13, 14, 15) и пять вариантов, найденные в других сборниках (№№ 3, 6, 7, 9, 11). Таким образом, источниками текстов сказок послужили сборники, признанные классическими собраниями фольклора, и дающие адекватную картину характера и состава русского сказочного репертуара.

При сравнении записей между собой, бросаются в глаза и их различие, и их сходство, поэтому важно изучить варианты и в том и в другом отношении. Известно, что качество фольклорного произведения выясняется не только по своеобразию отдельной записи, полученной от отдельного человека, но и по сходству записей, сделанных от разных лиц. «Мы многих записей не знаем, но, если располагаем хотя бы их некоторой полнотой, должны в первую очередь, проследить за чертами сходства в них. Так следует поступать в случаях, когда мы претендуем на постижение смысла и характера фольклорного произведения как народного» [4, 49]. Только по совокупности вариантов мы можем составить себе понятие об отдельном фольклорном произведении и его традиции.

В терминах метаязыка, предложенного А. А. Кретовым для записи сказок рекурсивной структуры, были записаны и проанализированы 224 структурных элемента пятнадцати вариантов сюжета сказки «Смерть петушка». Наиболее показательными, с точки зрения доказательства лингвистического тождества и определения инварианта исследуемого сюжета, были признаны структурные звенья «экспозиция» и «переменная нового».

Исследовав структурные элементы сюжета «экспозиция» и «переменная нового» во всех найденных вариантах сказки, были выделены следующие цепи переменных нового (цитируя собранные материалы, мы оставляем орфографию оригинала текстов):

- 1) Курица — речка — липка — девка — корова — сенокосцы — кузнецы — лаяны;
- 2) Сестрица — река — липа — корова — сенокосцы — дровосеки;
- 3) Курочка — речка — липка — девка — торговка — корова — сеновал;
- 4) Курочка — речка — липка — девка — торговка — корова — сеновал;
- 5) Кутюшка — река — липа — корова — косцы — дроворубы — угольщики;
- 6) Курочка — корова — косари — булочки — лес;
- 7) Курочка — море — вол — кабан — дуб — девка — баба — липа;
- 8) Курочка — море — липа — девка — корова — косцы — печея — дровосеки — кузнецы — углецы;
- 9) Курочка — речка — липка — девушка — гребенщики — калачники — дровосеки;
- 10) Кура — море — липа — девки — балыки — сенники — кузнецы — угольники;

11) Курочка — речка — девка — липа — корова — сенокос — печка — дровосек;

12) Хозяюшка — корова — косцы — печея — дровосеки — кузнец — лес;

13) Курушка — река — липка — девка — гребенщики — калачники — чернюшка — сенокосы — кузнецы — угольщики — дровосеки;

14) Куричка — озеро — свинья — сенокосцы — щелья;

15) Курушка — река — липа — девушка — коровушка — сенокосцы — кузнецы — угольники.

Важно отметить, что первым звеном в каждой цепи переменных, которое мы помещаем в нулевую позицию, является та структурная часть экспозиции, которая в дальнейшем воспроизводится в сюжетной морфеме и связывается (через предикат или более сложной цепью опосредований) с переменными нового. В данном случае — это персонаж (курочка), который в поисках средства для спасения петушка, отсылается от одного субъекта сказки к другому.

Переменная связи всех вариантов данной сказки, которая передает соотношение переменных нового в сюжетных морфемах, заключается в системе отсылок, в которой наблюдается четкая логическая связь. Согласно которой, множество переменных нового организованы условиями удовлетворения требований предыдущего звена. Только проанализировав достаточное количество вариантов, стало возможным восстановить полную логически обоснованную систему отсылок данного сюжета. Так, петушку, который подавился зернышком, требуется вода, чтобы промочить горло. Чтобы принести ему воду, курочка бежит к реке, которая отсылает ее к липе за листом, из которого, определенным образом сложив его, можно сделать емкость для воды. Но чтобы закрепить эту емкость, требуются нитки и иголка, за которыми в свою очередь курочка бежит к девке и торговке. Торговка готова поменять иголку на масло, которое может дать корова в обмен на сено. Курочка бежит за сеном к сенокосцам, которым требуются пироги, которые может напечь булочник, если у него будут дрова. Дрова дадут дровосеки в обмен на топор, который скуют кузнецы, только при условии, если у них будут угли, которые дадут угольщики. Таким образом, мы отталкиваемся от мысли о природной обусловленности звеньев сказочной цепи. Следовательно, полная логическая цепь отсылок данного сюжета содержит десять звеньев: река — вода, липа — лист, девка — нитки, торговка — иголка, корова — масло, сенокосцы — сено, булочник —

пироги, дровосеки — дрова, кузнецы — топор, угольщики — угли. Отмечается, что количество звеньев в разных вариантах может колебаться в меньшую сторону, некоторые звенья могут опускаться или в редких случаях меняться местами. Сюжет прекращает свое развитие, когда удовлетворяется одна из просьб, таким образом, она становится индикатором роста структуры, которая прекращает развертывание сюжета.

Позиционный анализ каждой цепи и построение инварианта данного сюжета осуществляется в три этапа.

На первом этапе сопоставляются цепи по форме, то есть, определяются цепи, в которых совпадают начальные звенья — структурные элементы экспозиции, которые взаимодействуют с переменными нового при дальнейшем развитии сюжета. Тождество данных звеньев во всех вариантах и соответствие их инварианту очень важно. Так как в экспозиции сказки определяется ее пространство, место действия и выясняется причина взаимодействия всех сказочных персонажей. Характерно, что экспозиция сказки кумулятивной структуры очень проста и практически одинакова для всех вариантов: петушок склюнул бобовое зернышко и подавился, курочка побежала его спасать.

В экспозиции всех вариантов этого сюжета обращает на себя внимание предмет, которым подавился петушок. Наблюдается следующая лексическая парадигма, выражения этого предмета: бобовое зёрнышко — зернышко — бобик — бобик — бобово зёрнышко — бобовое зерно — камешек — зёрнышко — зернышко — зернышко — бобок — бобок — зернышко — зернышко — зёрнышко. Лексема «зерно» встречается в десяти вариантах из пятнадцати. Таким образом, отмечается, что для инварианта сказки важно, что петушок подавился зернышком (чаще всего бобовым).

На втором этапе определяется количество сюжетных морфем в каждой цепи и определяется их позиция относительно других сюжетных морфем, составляющих цепь. Общее количество переменных нового во всех вариантах сюжета «Смерть петушка» равно двенадцати.

Максимальное количество сюжетных морфем в цепи переменных нового в отдельном варианте данного сюжета достигает одиннадцати звеньев (вариант № 13 «Петушок и курушка»), а минимальное — пяти (вариант № 6 «Как курочка петушка спасла» и вариант № 14 «Петух и курица»).

Среднее количество сюжетных морфем, характерное для инварианта этого сюжета равно один-

надцати. Наблюдается определенная позиционная закономерность в последовательности презентации персонажей сказки. Каждый из персонажей представляет собой звено, которое занимает определенную позицию в заданной структуре, и эта позиция с одной стороны носит динамический характер, то есть, звенья могут меняться местами внутри последовательности, а с другой стороны, их позиция, связана структурной тождественностью. Частота появления отдельного звена в общем количестве вариантов свидетельствует о принадлежности данного звена инварианту (табл.).

Третий этап заключается в отождествлении звеньев, в котором применяются четыре приема по отношению к вариантам и реконструируемому инварианту:

1. Процедура позиционного сдвига варианта (ПС).
2. Процедура позиционного растяжения варианта (ПР).
3. Процедура позиционной метатезы варианта (ПМ).
4. Процедура позиционного тождества (ПТ).

1) Позиционный сдвиг варианта (ПС) относительно других вариантов и инварианта, состоит в том, что количество и порядок следования сюжетных морфем варианта остаются неизменными, только номера их позиций сдвигаются (увеличиваются) на какую-то величину.

Целостный позиционный сдвиг наблюдается в варианте № 13 «Петушок и курушка», где отмечается перемещение цепи переменных нового на две сюжетные морфемы без изменения качества и последовательности следующих друг за другом звеньев. Примером локального позиционного сдвига, который сопровождается опущением некоторых

Таблица

Переменная нового	Количество вариантов
«курочка»	13
«речка»	13
«сенокосы»	13
«липа»	12
«корова»	11
«девка»	10
«дровосеки»	9
«угольщики»	8
«баба»	6
«кузнецы»	6
«булочник»	6
«свинья»	2
«вол»	1

сюжетных морфем, является вариант № 1 «Смерть петушка». В данном варианте представлена следующая последовательность сюжетных морфем: курица — речка — липка — девка — корова — сенокосцы — кузнецы — лаяны. Мы отмечаем отсутствие трех сюжетных морфем относительно инварианта: «свинья», «булочник», «дровосеки» и вставку на их месте нулевых сюжетных морфем, что соответствует следующей описываемой нами процедуре.

2) Процедура *позиционного растяжения варианта* (ПР) состоит в *эпентезе* (вставке, добавлении) нулевых звеньев (СМ), а получить такой вариант из инварианта можно процедурой *диэрезы* (удаления, опущения сюжетных морфем инварианта, вставленных при позиционном растяжении).

В варианте № 15 «Петушок задавился» отсутствуют переменные нового «свинья», «баба», «булочник», «дровосеки» характерные для инварианта. В этом случае мы наблюдаем явление эпентезы, вставки нулевых сюжетных морфем на месте этих сюжетных морфем инварианта.

3) Кроме того, при реконструкции инварианта сюжета, мы допускаем процедуру *позиционной метатезы* (ПМ), то есть, процедуру перестановки звеньев цепи варианта относительно инварианта.

Согласно логике развития сюжета, и основываясь на сравнительном анализе всех доступных нам вариантов этого сюжета, мы определяем для переменной нового «угольщики» последнюю позицию в цепи переменных, но в варианте № 5 «Петушок да курочка» мы наблюдаем отступление от этого порядка. Эта переменная нового занимает третью позицию. Поэтому при реконструкции инварианта, мы осуществляем процедуру *позиционной метатезы* этих переменных.

4) *Позиционное тождество* (ПТ) звена инварианта и варианта наблюдается при совпадении их позиций и лексического наполнения.

То есть, в том случае, если звенья цепей парадигм нового не обладают содержательным или функциональным тождеством, мы осуществляем позиционный сдвиг цепочек переменных или их растяжение, или компрессию, или метатезу в зависимости от количества сюжетных морфем (и — как следствие — переменных нового) в каждом конкретном варианте. Также мы учитываем отношения свободного варьирования и дополнительного распределения, в которых могут находиться переменные нового. Так мы поступаем, пока в каждом столбце, выделенном для определенного звена цепи инварианта, не окажутся со-

держательно одинаковые (или функционально эквивалентные) переменные.

Переменные нового разных вариантов находятся в отношениях *свободного варьирования*, если они выполняют одинаковую функцию. То есть, когда в одинаковой позиции и в одинаковом окружении в разных вариантах находятся разные по форме элементы, но значение, которое они имеют для развития сюжета, является тождественным, то такое различие по форме между ними не существенно, и им можно пренебречь. В исследуемых вариантах в отношениях свободного варьирования находятся элементы экспозиции, занимающие нулевую позицию — это «курица» / «сестрица» / «хозяйюшка». Их функция состоит в спасении подавившегося зернышком петушка. Переменная нового «курица» встречается в тринадцати вариантах, а переменные нового «сестрица» и «хозяйюшка» — по одному разу.

Основанием для объединения в одно структурное звено, на первый взгляд, разных героев, служат одинаковые по сути или по функции предметы, которые они могут дать для дальнейшего развития сюжета. Так, в таких отношениях находятся звенья:

1) Море — озеро — река. Они дают воду.

2) Липа — вол. Они дают материал для изготовления емкости для воды (лист или рог).

3) Торговка — кабан — гребенщики. Они дают иголку или острый предмет, заменяющий ее (клык, гребень).

4) Корова — баба. Дают масло или молоко.

5) Сенокосцы — сеновал — дуб. Они дают то, что может съесть корова (сено, желудь).

6) Булочник — печка — печка — калачники — калашники. Они пекут пироги или калачи.

7) Дровосеки — дроворубы — дуб. Они дают дрова.

Ориентируясь на логику развертывания цепи, мы объясняем некоторое несовпадение позиционных характеристик переменных нового в текстах сказки, которые встречаются в ряде вариантов, особенностями бытования данного жанра. Дело в том, что фольклорный текст не воспроизводится в неизменном виде, каждое его исполнение создает новый вариант. Разница возникает под влиянием разных обстоятельств, большую роль в данном случае играют личностные, возрастные особенности.

Таким образом, *процедура построения инварианта* заключается в сопоставлении лексических парадигм всех вариантов и выборе из них наиболее подходящей лексики для выражения переменной нового инварианта.

При выборе лексемы, передающей содержание конкретной сюжетной морфемы инварианта, мы останавливаемся на самом нейтральном, немаркированном варианте. Им признаётся: а) самый распространённый, б) общенародный, в) стилистически нейтральный, г) семантически и словообразовательно более простой и д) грамматически немаркированный вариант.

Важные результаты даёт анализ механизма восстановления конкретного варианта из реконструированного нами инварианта.

Моделируя деятельность рассказчика сказки, мы используем ряд выявленных нами процедур. Метаязык, который используется для компактного представления вариантов и их отношения к инварианту, является также и инструментом познания лексических парадигм переменных нового данного сюжета. Для восстановления конкретного варианта из общего инварианта сюжета, мы различаем *позиционные и лингвистические процедуры*.

Полученная информация является необходимым материалом для исследования и организации пространства всех кумулятивных сказок, для построения общей многомерной динамической модели фольклорного текста.

УЧТЕННЫЕ В СТАТЬЕ ВАРИАНТЫ

1. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. — М.: Наука, 1984—1985. — (Лит. памятники). Т. 1. — 1984. — С. 82—83.

2. Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Ред. И. М. Колесническая. — Петрозаводск, 1974. — С. 308—309.

3. Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под редакцией В. В. Гура. — Северо-Западное книжное издательство, 1965. — С. 218.

4. *Иваницкий Н.А.* Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Н. А. Иваницкий. — Подготовка текстов, вступит. статья и примечания Н. В. Новикова. — Вологда, 1960. — С. 131—132.

5. Сказки и песни Вологодской области / Сост. Минц. — Вологда, 1955. — С. 37—39.

6. Белорусские народные сказки. — М., 1958. — С. 41—42.

7. Украинские народные сказки. — М., 1956. — С. 74—77.

8. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Издание подготовил В. Я. Пропп. — М.-Л., 1961. — С. 109—111.

9. Русские народные сказки / Состав. и вступит. статья В. П. Аникина. — М., 1987. — С. 65—67.

10. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Издание подготовил В. Я. Пропп. — М.-Л., 1961. — С. 222—223.

11. Сказки и предания казаков-некрасовцев / Состав. Ф. В. Тумилевич. — Ростов-на-Дону, 1961. — С. 39—41.

12. Русские народные сказки. Т. 2 / Состав., автор вступительной статьи и комментариев О. Б. Алексеева. — М., 1987. — С. 277—278.

13. Русские народные сказки. Т. 2 / Состав., автор вступительной статьи и комментариев О. Б. Алексеева. — М., 1987. — С. 278—280.

14. Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. — СПб.: Тропа Троянова, 1998. — С. 159. — Кн. 2. — (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. — Т. 1).

15. Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. — СПб.: Тропа Троянова, 1998. — С. 243. — Кн. 2. — (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. — Т. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Народная детская сказка драматического жанра / А. И. Никифоров // Сказочная комиссия в 1927 г. — Л.: Изд-во Гос. русского географического общества, 1928. — С. 49—63.

2. *Кретов А.А.* Рекурсивные сказки-2 / <http://www.ruthenia.ru/folklore/kretov1.htm>

3. Сравнительный указатель сюжетов «Восточнославянская сказка» / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л.: Наука, 1979. — 440 с.

4. *Аникин В.П.* Русская народная сказка / В. П. Аникин. — М., 1984. — 176 с.